

Для первого направления характерны методы логической семантики и прагматики, теории смысла и значения, а также элементы герменевтики. Для второго – тяготение к социологической и социально-психологической методологии и терминологии. В отрыве одного от другого эти направления выглядят антиподами, чем вызывается обоюдная критика. Первое обвиняется в чрезмерной абстрактности и оторванности от реальной коммуникативной практики, второе – в релятивизме и подмене эпистемологии социологией. Вероятное разрешение конфликта между этими направлениями заключается в понимании их как дополнительных друг к другу. Дополнительность здесь понимается в духе идей Н.Бора, как сочетание взаимно сопряженных по смыслу (противоречащих друг другу, если это сопряжение игнорируется) описаний и объяснений культурно-исторической статистики и динамики коммуникативных процессов.

Эпистемологическое содержание коммуникативной рациональности для своего раскрытия требует комплекса средств, которыми располагает философская теория познания. В этот комплекс входят как логико-семантические (прагматико-ориентированные) методы анализа значений и смыслов, так и критико-рефлексивные методы исследования процессов обмена информацией, возникновения и закрепления системы эпистемических ценностей в этих процессах. Анализ коммуникативной рациональности ведет к пониманию необходимости реформирования понятийного аппарата эпистемологии вообще и теории рациональности в частности. Оно должно охватить собою как статику, так и историко-культурную динамику рациональности, выявить ее внутренние противоречия и показать, каким образом разрешение этих противоречий открывает перспективу новой (реформированной) эпистемологии, связанной с современным (постнеклассическим) этапом развития науки.

Коммуникативная рациональность при таком подходе выступает как важнейшая характеристика человеческой деятельности – как познавательной, так и практической. Само понятие «коммуникации», будучи предикативно соединено с «рациональностью», указывает на социальную обусловленность процессов, в которых происходит обмен действиями и их результатами. Эти процессы чрезвычайно многообразны, и специфика их так велика, что они могут быть рациональными каждый по-своему (например, разли-

чаясь целями, средствами и оценками деятельности). Поэтому так трудно найти дефиницию рациональности для этого (а priori ничем не ограниченного) многообразия. Разве что мы удовлетворяемся очень тощими и малопродуктивными абстракциями: например, когда локализуем некоторый конкретный вид деятельности, описываем его в терминах «закрытой» системы и довольствуемся тем, что такая система может быть охарактеризована как рациональная, если удовлетворяет очень общему (именно поэтому – неоспоримому) критерию «внутреннего соответствия» элементов деятельности друг другу (частный пример – целесообразность действия). Но как только мы перенесем рассуждение о рациональности в контекст развития или взаимодействия различных «закрытых» систем, непременно потребуется уже не один, пусть даже чрезвычайно общий, критерий рациональности, а целый спектр критериев, причем, вполне возможно, что потребуется и определенная *теория изменения* таких критериев, их признания действующими субъектами и причин, по которым такое признание может сменяться разочарованием и отказом от них. Исследование взаимодействий различных рациональностей становится необходимым условием анализа рациональности как эпистемологической проблемы. Это и есть, на наш взгляд, путь к новой, реформированной эпистемологии.

Такая эпистемология никак не может отворачиваться от обратной связи систем деятельности с физической, социальной и мыслительной средой, из которой деятельность и черпает свои ресурсы, цели и ценности, определяющие ее характер, интенсивность и направление. Способность функционировать в изменяющемся окружении, трансцендировать, переходя на новые уровни развития, – все это свойства деятельности, которая осуществляется во взаимодействии социальных субъектов.

Это взаимодействие рассматривалось как ключ к пониманию рациональности в различных, часто полемически заостренных друг против друга, философских традициях. Бесспорность того факта, что всякая деятельность может и должна рассматриваться в коммуникативном контексте, признавали прагматисты, интеракционисты, экзистенциалисты, феноменологи, марксисты и приверженцы «социальной эпистемологии». Например, по К.Ясперсу, сама философия «коренится в страдании по поводу дефицита ком-

муникации... Именно в коммуникации впервые достигается цель философии»¹. А философы-аналитики немало размышляли над загадочной фразой Л.Витгенштейна «внутренний процесс нуждается во внешнем критерии»² и посвятили поискам этого критерия (или критериев) множество утонченных исследований. Конечно, они ограничивали поле поиска языком, но главное в том, что само требование критериальности указывает на неперемное присутствие коммуникации (критерий – это всегда нечто такое, относительно чего есть согласие субъектов – принять или не принять, действовать, рассуждать и понимать в соответствии с ним или с чем-то другим). Мысль, да и сознание как таковое, проявляются в коммуникации и даже могут быть поняты как ее продукты. Именно к этому выводу, по-видимому, склонялся Витгенштейн, и это было вполне в духе современных ему научных исследований интеракционистских направлений. Например, Р.Ф.Бэйлс так определял «интеракцию»: «Под социальной интеракцией мы понимаем разговор или поведение, с помощью которого два или более индивида непосредственно общаются друг с другом»³. Об интеракции можно говорить уже тогда, когда деятельность одного индивида (подобно раздражению) вызывает действия (реакцию) другого индивида. Эмпирический анализ интеракционного поведения исходит из предпосылки, что действующие субъекты взаимно ориентируются в отношении друг друга с помощью дополнительных ожиданий (определений ситуации, ролевого понимания). При этом предметом исследования являются те нормативные образцы поведения, смысловые символы и коммуникативные техники, которые в каждом конкретном случае влияют на интеракцию, определяя развитие личности и микропроцессы социальных взаимодействий.

Общее место всякого «интеракционизма» (каким бы ни был его теоретический или философский базис) в том, что развитие личности происходит на почве межчеловеческого общения. Вполне естественно, что это привлекает внимание социальных психологов⁴. Они исследуют возможности, используемые субъектами для того, чтобы на основе самоопределения самих себя в качестве *Я* успешно коммутировать с другими. Разумеется, при этом важно различение *Я* и Другого, что оказалось нетривиальной проблемой для теоретиков при всей интуитивной ясности такого различения.

И здесь на первый план вышло понятие коммуникации: *Я* – это то, что обо *мне* думают, как *меня* представляют, интерпретируют мои слова и поступки, как *меня* чувствуют другие. *Я* – это мое отражение в «зеркале Другого» (Г.Мид, Ч.Кули и др.)⁵. Если таких «зеркал» может быть сколько угодно, то и множественность различных отражений *Я* в этих зеркалах не должно вызывать удивления. Проблема самоидентичности *Я* снимается с обсуждения, что резко меняет курс эпистемологического анализа. Собственно, это уже и не эпистемология, а ее психологическая «проекция»; другие примеры такого «проецирования» дают исследования социологов (Н.Луман и др.). Сквозь призму таких подходов эпистемологическое *Я* выглядит «устаревшей» категорией, которая, по Г.Миду, обозначает все, что не подверглось рефлексии и зависит от биологической (а не социально-коммуникативной) природы человека. Даже чувственное восприятие, не говоря уже о «рациональности», наполнено содержанием социального опыта. Интеракционизм, таким образом, снимает различие между психологией личности и социальной психологией, социологическими и эпистемологическими характеристиками коммуникативных актов. Даже самосознание и рефлексия (отношение *Я* к самому себе) объясняются в терминах реагирования на собственную деятельность и невербальные формы социальной коммуникации: «Когда мы действуем, мы обретаем связь не только с объектами наших действий, но и с непосредственными обратными воздействиями наших действий на нас самих. Говорящий слушает свой голос вместе с другими»⁶. Обучение языку и коммуникативным навыкам находит объяснение в рамках этого подхода вне связи с воздействием на индивида внешних факторов, но исключительно благодаря социально опосредованному отношению *Я* к самому себе.

Ю.Хабермас, по праву считающийся первым авторитетом в исследованиях коммуникативной рациональности, склонялся к «переводу» эпистемологических понятий на язык, в котором интеракция понимается как синоним коммуникативной деятельности. «Под коммуникативной деятельностью я понимаю... символически транслируемую интеракцию. Она осуществляется в соответствии с обязательно принимаемыми нормами, которые определяют взаимные поведенческие ожидания, а также понимаются и признаются по крайней мере двумя действующими субъектами...

В то время как состоятельность технических правил и стратегий зависит от состоятельности эмпирически истинных или аналитически правильных высказываний, значение социальных норм основано лишь на интересубъективной согласии по поводу интенций и гарантировано общим признанием своих обязательств»⁷. Итак, коммуникативная рациональность – это то, что описывается нормами, признанными и принятыми на основе согласия. Именно так, а не наоборот, и в этом суть дела. Общая схема коммуникации имеет, по Хабермасу, следующий вид: субъект стремится интенционально связать себя с другими, производя эту связь по социальным правилам и, тем самым, оказывая интерактивное влияние на других. И эти правила – это то, что можно назвать коммуникативной рациональностью. Вопрос «рационально ли следовать этим правилам?» просто не рассматривается, поскольку никакой иной рациональности, помимо той, что возникает и удерживается в коммуникациях, нет. По крайней мере, ее нет как объекта анализа, базирующегося на социологических или психологических (или каких-либо иных специально-научных) исследованиях. Это отношение интеракционизма к рациональности так или иначе сквозит в ряде других современных идей и подходов (социальный конструктивизм, «смерть субъекта», тотальность интерпретации, ситуационный анализ).

В сборнике, подготовленном сотрудниками сектора социальной эпистемологии Института философии РАН, читатель найдет разные подходы к обозначенным выше проблемам. Мы не стремились к единству мнений, которое в нынешней исследовательской ситуации было бы лишь искусственным компромиссом. Напротив, свою задачу авторский коллектив видел в том, чтобы осветить перспективы, открываемые различными методологическими и эпистемологическими «парадигмами». Ни одна из них в настоящее время не смеет претендовать на исключительность, но каждая обязана представить максимум аргументации в свою пользу. Критика оппонентов – важное дело, однако это не самоцель, а средство для прояснения собственной позиции. Исходя из этих установок, мы нашли целесообразным включить в сборник материалы дискуссий, ранее частично опубликованных в журнале «Эпистемология и философия науки», в которых некоторые спорные вопросы помещаются в центр внимания.

Безусловно, проблема, вынесенная в заглавие, является одной из важнейших в современной эпистемологии. Мы рассматриваем этот сборник как посильный вклад в ее дальнейшее исследование.

И.Т.Касавин, В.Н.Порус

Примечания

- ¹ *Jaspers K.* Einführung in die Philosophie. München–Zürich, 1994. S. 23.
- ² *Wittgenstein L.* Philosophical Investigations. 580.
- ³ *Bales R.F.* Die Interaktionsanalyse // *König R.* (Hg.) Praktische Sozialforschung II. Beobachtung und Experiment in deutscher Sozialforschung. Köln–Berlin, 1962 (1956). S. 148.
- ⁴ См.: *Newcomb Th.M., Turner R.H., Converse Ph.E.* Social Psychology. The Study of Human Interaction. N. Y., 1965; *Baldwin J.M.* Social and Ethical Interpretations in Mental Development. London–N. Y., 1897; *Mead G.H.* Mind, Self, and Society. N. Y., 1934.
- ⁵ См.: *Cooley C.H.* Human Nature and Social Order. N. Y., 1964 (1902).
- ⁶ *Cooley C.H.* Human Nature and Social Order.
- ⁷ См.: *Habermas J.* Technik und Wissenschaft als «Ideologie». Frankfurt a/M., 1968. S. 62.

РАЗДЕЛ 1. КОММУНИКАЦИЯ И РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

В.Н. Порус

Рациональная коммуникация как проблема эпистемологии*

Проблему, обозначенную в заголовке, я представлю в виде оппозиции: «рациональная коммуникация» – «коммуникативная рациональность». Иногда значения этих терминов смешиваются или пересекаются, что приводит к путанице. Но различия между ними настолько важны, что их фиксация может рассматриваться как обозначение рубежа, от которого отправляются главные тенденции развития эпистемологии.

Рациональная коммуникация

Говоря формально, этот термин – спецификация термина «коммуникация». О значении последнего написаны трактаты, предприняты попытки построения *общей теории коммуникации*¹. Эти попытки, сколь бы ни были они различны, соответствуют общему плану: принимается *исходное определение* коммуникации, на его основе конструируется *модель*, которая затем становится основой для расширения, уточнения, конкретизации исходного определения, т.е. построения новых, более содержательных моделей. Так возникает то, что, подражая И.Лакатосу, можно условно назвать «исследовательской программой»; когда построенные таким образом модели сталкиваются с процессами, которые интуитивно

* Доклад и последующая дискуссия – при поддержке РГНФ, проект 06-03-00301а «Коммуникативная рациональность как эпистемологическая проблема».

считаются коммуникативными, но не попадают под исходное определение, «трудные» процессы «доопределяются» так, чтобы вводимые уточнения охватывали собой и эти «трудности». Но могут встретиться случаи, когда приходится так расширять смысл термина, что это входит в противоречие с его исходным определением. Можно сказать, что тогда смысл исходного понятия трансформируется, и получается иное понятие, которое заслуживает иного именованя.

Так, Г.Почепцов называет коммуникацией «процесс перекодировки вербальной в невербальную и невербальной в вербальную сферы». Это означает, что обмен значениями выражений некоторого языка совершается в процессе коммуникации для того, чтобы с помощью слов вызвать некоторые действия. Переход от знания значений слов к выполнению некоторых действий не является чем-то само собой разумеющимся, а предполагает выполнение правил, причем, как полагает Почепцов, смыслы этих правил известны до начала коммуникации (их известность считается «априорным» условием самой коммуникации). Всегда ли выполнимо это общее требование, действительно ли «априорно» знание правил коммуникации? Скорее всего, это не так, и часто «ознакомление» с правилами происходит уже в процессе коммуникации, который поэтому можно представить как ряд стадий – от «прото-коммуникативной» до собственно коммуникативной, т.е. отвечающей исходному определению. Чтобы признать правила, т.е. согласиться с неизбежностью их соблюдения, коммуникантам иногда приходится также признать свое неравенство: тот, кто передает сообщение, должен обладать некоторой *властью* над тем, кто это сообщение принимает, властью достаточной для того, чтобы «реципиент» не имел возможности «понимать» переданное «по-своему», переиначивая его смысл. Является ли эта власть априорным условием, также не всегда очевидно. Можно представить такие ситуации, когда отношение власти возникает только в процессе коммуникации и благодаря ему. Далее, не все коммуникации (подпадающие под исходное определение) равны по своей *интенсивности*; например, при недостаточном знакомстве со смыслами сообщений или с правилами коммуникации, а также при неясности вопроса о принудительности этих смыслов и правил, процесс передачи информации и ее перекодировки в действия только до известной степени может счи-

таться коммуникативным (интенсивность коммуникации оказывается условием самого ее существования). В таких случаях называть информативный процесс коммуникативным можно, лишь серьезно расширяя исходное определение, рискуя при этом вообще выйти за его рамки.

Когда говорят о *рациональной* коммуникации, имеют в виду такие ограничения коммуникативных процессов, которые накладываются нашими представлениями о том, что такое рациональность. Но эти представления могут различаться. Например, исходя из одних, можно считать условия коммуникации (императивность понимания смыслов передаваемых сообщений, однозначность связи между знанием этих смыслов и действиями, соблюдение правил коммуникации и т.д.) рациональными, если они подчинены определенным *критериям, разумность которых не оспаривается и признается коммуникантами* априорно.

Исходя из других представлений, рациональными будут те коммуникации, с помощью которых удастся достичь *целей*, выступающих как *общие ценности* для ее участников (успех совместного действия, взаимопонимание, консенсус и пр.); критерии рациональности отнесены к этим целям, контекстуальны, «апостериорны» и могут меняться при переходе от одних коммуникаций к другим. Таким образом, эпистемологическое содержание термина «рациональная коммуникация» может быть сведено к выбору между этими (основными) типами представлений о рациональности, который, как было сказано, сам во многом зависит от того, что понимается под коммуникацией как таковой.

Сравнивая эти типы, замечаем, что они различаются своим отношением к пониманию рациональности как того, что может быть описано, объяснено, исчерпано указанием на некоторые критерии. На крайних полюсах этого понимания – две стратегии: *абсолютистская* и *релятивистская*. Первая – поиск единой и единственной системы критериев рациональности, применение которых не ограничено никакими конкретными условиями. Такая стратегия направлена на определение сферы рациональности, «изнутри» которой можно оценивать действительность, осуществлять ее реконструкцию и критику. В философии науки, например, такая стратегия реализовалась в программе демаркации между наукой и ненаучным (в частности, метафизическим) мышлением. Вторая

стратегия исходит из равноправия различных, даже противоречащих друг другу систем критериев рациональности, выбор между которыми зависит от множества конкретных условий и факторов, влияющих на решения действующих (акторов).

Первая стратегия исторически связана с классической (в частности, трансценденталистской) философией субъекта: границы рациональности совпадают со сферой знания, обладающего универсальностью, необходимостью и истинностью; рациональность – это общая характеристика деятельности (познавательной и практической), ведущей к такому знанию и направляемой им. Вторая стратегия характерна для неклассической гносеологии, в которой характеристики знания признаются относительными, зависящими от конкретных условий его получения и использования. Для этой стратегии выбор той или иной системы критериев рациональности обусловлен внешними по отношению к ней целями и ценностями. Само понятие рациональности определяется через них.

Абсолютистская стратегия не может быть принята без допущений о существовании «последних», «окончательных», укорененных в самом бытии или в свойствах познающего ума оснований рациональности. Без таких допущений она попадает в ловушку *reduction ad infinitum*; если основания рациональности могут *меняться*, необходимо решить вопрос о рациональности перехода к иной рациональности и т.д., до бесконечности. Наиболее серьезный удар по этой стратегии наносит наука в своем историческом развитии, важнейшие вехи которого связаны с пересмотром, сменой критериев рациональности. Поэтому и говорят об *исторических типах научной рациональности*, т.е. признают рациональность исторически относительной.

Это как будто говорит в пользу релятивистской стратегии. Если не оправдывается надежда на отыскание критериев, обладающих безусловной властью над участниками любой коммуникации, то надо взяться за более реальную задачу: понять, какие силы заставляют этих участников считать разумными *вот эти*, конкретные процессы обмена смыслами, влекущего за собой определенность действий. При этом надо признать, что силы эти действуют только в ограниченном коммуникативном пространстве, и за его границами это действие прекращается. Все, на что можно претен-